

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 14**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 14 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 282 с.

ISBN 978-5-458-04664-0

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04664-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Философія христіанської теократії в V вѣкѣ.

Ученіе о градѣ Божіємъ бл. Августина.

(Окончаніе).

V.

Въ противоположность церкви будущаго вѣка земная церковь странствуетъ: одна отличается отъ другой, какъ церковь въ состояніи покоя отъ церкви въ состояніи движенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ это не два различные субъекта, не двѣ церкви, а два различныхъ состоянія одного и того же субъекта, — града Божія, который здѣсь, на землѣ, живетъ въ ожиданіи, въ надеждѣ, тамъ же, въ дѣйствительности наслаждается спокойствіемъ своего вѣчнаго жилища *).

Здѣсь на землѣ градъ Божій и царство земное „переплетены и смѣшаны между собою“ **), такъ что опредѣленныхъ границъ между тѣмъ и другимъ не существуетъ. И не смотря на это несовершенство временнаго земнаго состоянія церкви, Августинъ прямо говоритъ: „*церковь и теперь есть царствіе Христова и царствіе небесное*“ ***).

Ошибочно было бы думать вмѣстѣ съ Рейтеромъ ****), что слова эти относятся только къ церкви, какъ невидимому обществу избранниковъ. Они относятся несомнѣнно къ видимой, земной церкви съ ея конкретной организаціей, ко-

*) De C. D. lib. I, начало предисловія.

) De C. D. lib. I, cap. 35. *) De C. D. lib. XX, cap. 9, § 11.

****) August. Stud., Stud. III, въ особенности стр. 119—121.

торая представляется Августину осуществленіемъ пророчества Апокалипсиса о тысячелѣтнемъ царствіи.

Это видно уже изъ того, что царство святыхъ и избранниковъ, которые отъ начала міра царствуютъ со Христомъ, не составляетъ для Августина особой хронологической эпохи. Между тѣмъ тысячелѣтнее царство есть для него несомнѣнно особая историческая эпоха, отличающаяся отъ всѣхъ предыдущихъ *видимымъ объективнымъ* признакомъ. Начало тысячелѣтнаго царствія Августинъ считаетъ съ того момента, когда церковь, отрѣшившись отъ узко національныхъ іудейскихъ рамокъ, начинаетъ распространяться среди другихъ племенъ, обращаясь *въ союзъ общенародный* *). „Сатана связанъ“, согласно предсказанію Апокалипсиса, въ силу самаго распространенія церкви, которая вырвала изъ-подъ власти его цѣлые народы. Онъ „низверженъ съ высоты“, т.-е. лишень прежней силы и власти, и „заключенъ въ бездну“, т.-е. въ сердца язычниковъ и нечестивыхъ, будучи уже не въ состояніи вредить вѣрнымъ; онъ ограниченъ въ сферѣ своей мощи **). Наконецъ, слова Апокалипсиса: „и увидѣлъ я престолы и сидящихъ на нихъ, которымъ дано было судить“, относятся, по объясненію Августина, прямо къ земной церкви съ ея епископскими престолами, съ ея іерархами, имѣющими власть вязать и рѣшать, т.-е. судить. Этими словами, читаемъ мы въ *Civitas Dei*, св. Писаніе рассказываетъ о томъ, что церковь дѣлаетъ во время тысячелѣтнаго царствія, послѣ связанія діавола ***).

Итакъ, тысячелѣтнее царство отличается отъ предшествующихъ ему историческихъ эпохъ рядомъ видимыхъ признаковъ, и всѣ эти признаки Августинъ находитъ въ видимой церкви его времени. Разсуждая о земномъ царствіи Христа, Августинъ трижды говоритъ, что оно рядомъ съ пшеницею заключаетъ въ себѣ и плевелы, и къ этому главнымъ обра-

*) De C. D. lib. XX, cap. 8, § 3. Haec autem alligatio diaboli facta est, ex quo coepit Ecclesia praeter Iudaeam terram in nationes alias, aliasque dilatari и т. д.

) Ibid., cap. 7, 8. *) Ibid. cap. 9, § 2.

зомъ сводится для него различіе между земнымъ,—тысячелѣтнимъ царствіемъ,—и царствіемъ будущаго вѣка *). Ясное дѣло, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о невидимомъ царствіи избранныхъ, которое плевеловъ въ себѣ не заключаетъ, и что подъ тысячелѣтнимъ царствіемъ Августинъ разумѣетъ именно *видимую земную церковь съ ея универсальной общественной организаціей*.

Христосъ царствуетъ на землѣ въ церкви, *какъ всемірномъ зданіи*, хотя одни святые дѣйствительно съ Нимъ царствуютъ, плевелы же временно пребываютъ въ царствѣ, но не принадлежать къ его вѣчному составу и постольку не царствуютъ. Августинъ различаетъ между царствомъ и царствующими, между церковью, какъ субъектомъ царствія, и церковью, какъ объективнымъ порядкомъ, въ которомъ святые царствуютъ **). Здѣсь на землѣ царствіе Божіе, какъ *зданіе*, отличается отъ царствія Божія, какъ общества святыхъ, ибо на землѣ церковь еще борется съ внутреннимъ врагомъ,— оно есть царство *воинствующее* (*regnum militiae*). Тамъ же, въ будущемъ вѣкѣ, гдѣ церковь будетъ царствовать безъ врага ***), то и другое совпадаетъ: въ церкви торжествующей царство Христово, какъ зданіе, и царствіе Христово, какъ общество избранныхъ, — одно и то же.

Въ этомъ различеніи между царствіемъ Божіимъ въ его земной дѣйствительности и въ его вѣчномъ, идеальномъ состояніи мы узнаемъ основной мотивъ антидонатистской проповѣди Августина, который здѣсь находитъ себѣ мѣсто въ систематическомъ единствѣ цѣлаго міровоззрѣнія великаго отца церкви. Чтобы оцѣнить значеніе изложеннаго только что ученія о тысячелѣтнемъ царствіи, нужно сопоставить

*) Ibid. cap. 9, гдѣ трижды говорится, что плевелы въ день суда будутъ исторгнуты *изъ царства*, слѣдовательно предполагается, что до суда они находятся въ царствѣ; а въ одномъ мѣстѣ Августинъ прямо утверждаетъ, что плевелы суть *in regno, donec colligantur in fine saeculi de regno ejus omnia scandala*.

**) Ср. то, что Августинъ говоритъ *de baptismo lib. VII, cap. 51, § 99*, о различіи между *domus Dei*, какъ обществомъ святыхъ, и *domus Dei*, какъ зданіемъ видимой церкви.

***) *De C. D. lib. XX, cap. 9, § 2.*

его съ тѣмъ, что Августинъ учитъ противъ донатистовъ. Противъ нихъ онъ между прочимъ доказываетъ, что именно царствованіе церкви управомочиваетъ ее къ насилію противъ разномыслящихъ съ нею. Христосъ, — читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ Августина, — однажды сказалъ апостоламъ: „не хотите-ли вы отойти“. Но если Христосъ не прибѣгалъ къ насилію противъ двѣнадцати апостоловъ, то донатисты напрасно заключаютъ изъ этого, что церковь вообще не должна прибѣгать къ насилію. Ибо во времена Христа еще не исполнилось пророчество о церкви: „и поклонятся ей всѣ цари земные: всѣ народы послужать ей“ (Пс. LXXI, II). „Чѣмъ больше исполняется это пророчество, тѣмъ большею властью пользуется церковь, чтобы не только приглашать, но и принуждать къ добру“ *).

Разъ существуетъ на землѣ царствіе Христово, передъ нимъ должны исчезнуть съ лица земли всякія другія царства: какъ единственная форма истиннаго правового общенія людей, оно упраздняетъ собою всѣхъ ихъ. Все, что враждуетъ противъ церкви внутри ея, или противопоставляется ей извнѣ, какъ царство невѣрныхъ (*civitas impia, populus infidelium*), олицетворяется для Августина апокалиптическимъ образомъ „звѣря, выходящаго изъ бездны“ **). И такъ какъ царствіе Христово въ идеѣ есть все во всемъ, то церкви принадлежитъ безграничное право принужденія противъ всѣхъ тѣхъ, кто находится внѣ церковнаго зданія. Въ какой мѣрѣ церковь пользуется этимъ правомъ, это, по смыслу только что приведеннаго текста, обусловливается только степенью ея земного распространенія и могущества.

Въ идеѣ тысячелѣтняго царствія, какъ его понимаетъ Августинъ, несомнѣнно заключается оправданіе всякаго рода свѣтскаго насилія, — выражается-ли оно въ формѣ преслѣдованія еретиковъ, или войны противъ невѣрныхъ. На сколько великій представитель латинскаго христіанства уже въ V-мъ вѣкѣ предвосхитилъ средневѣковую идею крестовыхъ

*) Epist. CLXXIII, § 10.

**) De C. D. lib. XX, cap. 9, § 3.

подоходь, видно изъ слѣдующей цитаты: „Если земное государство хранить христіанскія заповѣди, то и самыя войны не ведутся безъ нѣкотораго дружескаго расположенія, ради заботы объ устроеніи побѣжденныхъ въ мирное сообщество правды и благочестія. Ибо у кого отнимается возможность неправды, тотъ съ пользою побѣждается“ *). Евангеліе не воспрещаетъ войнъ, не отнимаетъ у воиновъ ихъ оружія, а предписываетъ имъ только „довольствоваться ихъ содержаніемъ“, — слѣдовательно, косвенно утверждаетъ ихъ въ ихъ служеніи и призваніи **).

VI.

Какъ идеаль, градъ Божій есть благодатное царство, которое не исчерпывается внѣшнимъ единствомъ зданія, а проникаетъ собою всецѣло внутреннюю жизнь личности и общества, связывая всѣхъ участниковъ спасенія во единое социальное тѣло.

Богъ произвелъ родъ человѣческій отъ единого родоначальника, чтобы крѣпче, тѣснѣе связать его узами социального единства. Онъ хотѣлъ, чтобы люди вѣчно помнили о единствѣ своего происхожденія и всегда стремились къ объединенію, зная, на сколько угодно Богу единство во множествѣ. Однако не естественное родство плоти и крови было здѣсь цѣлью Провидѣнія; оно само служило лишь символомъ, знакомъ того социального единства людей и ангеловъ, которое достигается лишь черезъ духовное рожденіе. Благодать Божія отъ начала предвидѣла въ потомствѣ Адама и предопредѣлила къ усыновленію союзъ благочестивыхъ людей ***). О градѣ Божіемъ сказано въ Апокалипсисѣ (XXI, 2—5), что онъ сходитъ съ небесъ, потому что онъ созданъ небесною благодатью. Не должно думать, что онъ сходитъ къ намъ только въ концѣ вѣковъ: онъ отъ начала временъ сошелъ на землю, ибо отъ созданія рода человѣческаго бла-

*) Epist. CXXXVIII, cap. 2, § 14.

**) Ibid. § 15.

***) De C. D. lib. XII, cap. 21, 22, 27.

годать собираетъ на землѣ гражданъ для вышняго Іерусалима *). Отъ начала благодать ведетъ родъ человѣческій къ его вѣчной цѣли, и въ этомъ состоитъ всемірно-историческій процессъ.

Какъ уже было нами указано, ради воспитанія избранныхъ къ единству града Божія требуется историческій контрастъ двухъ обществъ — небеснаго и земного, „дабы изъ самаго сравненія съ сосудами гнѣва вышній городъ, странствующій на землѣ, научился не довѣрять свободѣ своей воли, но въ надеждѣ призывать имя Божіе“ **). Изъ сопоставленія двухъ обществъ явствуетъ, *что можетъ человѣческая свобода и что можетъ благодать*. Правда Божія проявляется, какъ заслуженное человѣкомъ наказаніе, а благодать — какъ незаслуженный даръ свыше. Ибо по заслугамъ свободы всѣ подлежатъ вѣчному наказанію и всѣ составляютъ одну массу осужденныхъ. Поэтому наказаніе грѣшниковъ есть актъ правосудія, спасеніе же — актъ незаслуженной милости, благодати Божіей ***).

Противоположность благодати и беззаконной свободы отъ начала міра олипетворяется противоположностью двухъ ангельскихъ царствъ. Еще до созданія человѣка градъ Божій былъ обоснованъ въ ангелахъ, которыхъ Богъ связалъ во единое общество, наполняя ихъ собою, какъ общая всѣмъ имъ жизнь и пища. Богъ далъ имъ свободу, такъ что они могли пребыть въ Богѣ и отпасть отъ Него. Онъ не отнялъ этой свободы даже у тѣхъ, коихъ паденіе Онъ предвидѣлъ, предпочитая употребить самое ихъ зло на добро, нежели отнять у нихъ возможность зла, т. е. свободу. Для ангеловъ, пребывающихъ въ послушаніи, воля Божія есть законъ ****).

Въ противоположность этому обществу ангеловъ, гдѣ свобода приносить себя въ жертву благодати, въ сатанинскомъ царствѣ она сама возводитъ себя въ верховный,

*) Lib. XX, cap. 17. Cp. lib. XXII, cap. 1.

**) Lib. XV, cap. 21.

***) Lib. XV, cap. 21; lib. XIV, cap. 26; lib. XXI, cap. 12.

****) Lib. XXII, cap. 1; lib. X, cap. 7.

абсолютный принципъ. Гордый и завистливый духъ, сатана, не довольствуется тѣмъ, чтобы держать власть отъ высшаго себя и хочетъ самъ быть высшимъ, властвовать самъ отъ себя: онъ отвращается отъ Бога къ самому себѣ, дѣлаетъ себя центромъ вмѣсто Него и съ какою-то тиранническою спесью предпочитаетъ радоваться о своихъ подчиненныхъ, чѣмъ самому быть подчиненнымъ *). Впослѣдствіи средне-вѣковые папы, для которыхъ государство внѣ церкви было, какъ и для Августина, „діавольскимъ обществомъ“, почти буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ говорили о свѣтскихъ князьяхъ, ослушникахъ ихъ власти **).

Та же противоположность и та же борьба благодати со свободой наполняетъ собою всю исторію человѣческаго развитія. Въ основѣ двухъ обществъ лежатъ двѣ любви: земное общество любить само себя до презрѣнія къ Богу; небесное общество, напротивъ, любить Бога до совершеннаго презрѣнія къ самому себѣ. Одно принимаетъ славу отъ людей и одержимо страстью властвованія, другое славится о Богѣ и живетъ въ смиреніи и послушаніи Его волѣ ***). Одно живетъ почеловѣчески (*secundum hominem*), т. е. слѣдуетъ желаніямъ плоти, и предназначено къ вѣчнымъ мукамъ вмѣстѣ съ діаволомъ; другое, напротивъ, живетъ побожески и предназначено вѣчно царствовать со Христомъ ****). Какъ

*) Lib. XIV, cap. 11; lib. XII, cap. 1, 6; lib. XI, cap. 13, 33.

**) Ср. знаменитыя слова папы Григорія VII въ письмѣ къ Герману Мейнскому, въ переводѣ Чичерина (Исторія политическихъ ученій, т. I, стр. 138): „кто не знаетъ, что цари и князья ведутъ свое начало отъ тѣхъ, которые, не вѣдая Бога, гордостью, разбоемъ (ср. августиновское *regna magna latrociniā*), лукавствомъ, убійствами, наконецъ почти всѣми злодѣяніями, побуждаемые діаволомъ, княземъ міра сего, въ слѣпой своей алчности и въ невыносимомъ самопревознесеніи присвоили себѣ власть надъ равными себѣ, т.-е. надъ людьми? И когда они стараются преклонить святителей къ своимъ стопамъ, съ кѣмъ можно сравнить ихъ, какъ не съ тѣмъ, кто глава всѣхъ сыновъ гордости?“ и т. д. Григорій VII, какъ видно отсюда, только перенесъ то, что Августинъ говоритъ о діаволѣ въ его отношеніи къ Богу, — на взаимныя отношенія свѣтской и духовной власти.

***) Lib. XIV, cap. 28.

****) Lib. XV, cap. 1.

градъ Божій, такъ и земное, человѣческое царство стремится къ миру. Но между тѣмъ какъ церковь ищетъ мира небснаго, стремится къ покою вѣчности, — земное царство стремится къ миру земному, полагая этотъ миръ въ совокупномъ наслажденіи и пользованіи мірскими благами. Мірскія блага составляютъ высшую, конечную цѣль земного царства. Напротивъ, градъ Божій пользуется мірскими благами, не дѣлая ихъ высшей безусловной цѣлью: они служатъ для него лишь средствомъ, чтобы легче переносить бремя тлѣннаго тѣла, а не для того, чтобы ради нихъ отвращаться отъ Бога. Такимъ образомъ пользованіе мірскими благами обще тому и другому царству, хотя и не одинакова самая цѣль пользованія. Земное царство стремится обособовать нѣкоторое согласіе (*compositio voluntatum*) относительно вещей, касающихся смертной жизни; ради этого земного мира и между его гражданами существуетъ нѣкоторый союзъ въ подчиненіи господствующей надъ всѣми власти. Не таковъ истинный миръ града Божія; миръ этотъ, говоря словами Августина, есть „наиболѣе упорядоченный и согласный союзъ для наслажденія Богомъ и другъ другомъ въ Богѣ“ *)

Каково же, спрашивается, отношеніе двухъ обществъ въ ихъ земномъ сожительствѣ? Въ идеѣ градъ Божій представляется безусловнымъ отрицаніемъ самостоятельнаго земного царства. Земное царство имѣетъ право на существованіе, лишь поскольку оно служитъ символомъ, образомъ небснаго царства **). Казалось бы, такая непримиримая противоположность исключаетъ всякую возможность мирнаго сожительства между градомъ Божиимъ и царствомъ земнымъ, какъ самостоятельною сферой. Но на землѣ, гдѣ праведные живутъ вмѣстѣ съ грѣшными и злыми, градъ Божій неизбежно приходитъ въ столкновеніе съ земнымъ обществомъ, странствуя среди него. Вотъ почему на землѣ существуетъ нѣкотораго рода *временный миръ* между обоими царствами (я бы назвалъ его скорѣе перемиріемъ).

**) Lib. XIX, cap. 17.

**) De C. D. lib. XV, cap. 2.

„Градъ Божій, странствуя на землѣ,—говоритъ Августинъ,— созываетъ гражданъ изъ всѣхъ народовъ и изъ всѣхъ языковъ собираетъ странствующее общество, не заботясь о томъ, что есть различнаго въ нравахъ, законахъ и учрежденіяхъ, коими устанавливается или сохраняется земной миръ. Градъ Божій ничего изъ этого не разрушаетъ, а напротивъ, сохраняетъ и слѣдуетъ тѣмъ законамъ, нравамъ и учрежденіямъ, которые, будучи различны у различныхъ народовъ, тѣмъ не менѣе служатъ единой цѣли мира земного“. Церковь пользуется миромъ земнымъ, но относитъ все къ миру небесному, который одинъ служитъ для нея безусловною цѣлью. Поэтому она повинуется законамъ мірскаго общества лишь до тѣхъ поръ, пока это не противорѣчитъ началамъ истинной вѣры. Такъ, напр., законы, касающіеся религіи, не могутъ быть общи между церковью и языческимъ государствомъ. Вотъ почему градъ Божій подвергается гоненіямъ со стороны земнаго царства, если только онъ не въ состояніи одолѣть послѣдняго страхомъ своей многочисленности и помощью Божіей*). Особенности каждаго изъ двухъ царствъ обнаруживаются въ процессѣ постепеннаго историческаго развитія, при чемъ отдѣльныя стадіи этого процесса внутренне связаны между собою, какъ звенья, части единаго историческаго цѣлаго.

Земное царство разсѣяно по землѣ, раздѣлено различными мѣстными особенностями, „но связано нѣкоторымъ сообществомъ одной и той же природы“ **). Уже въ лицѣ Каина, основателя перваго города на землѣ, сущность этого царства обнаруживается какъ *братоубійство, раздоръ*. Земныя блага, которыя въ немъ служатъ высшей, безусловною цѣлью, не могутъ всѣхъ одинаково насытить, примирить и объединить. Земное царство въ каждой части своей стремится господствовать надъ всѣми; поэтому оно раздѣляется на отдѣльныя царства, которыя ведутъ между собою ожесто-

*) Lib. XIX, cap. 17.

**) Lib. XVIII, cap. 2.

ченныя братоубійственныя войны *). Въ Вавилонскомъ столпотвореніи та же злая сущность обнаруживается въ самопревознесеніи земного царства, за которымъ слѣдуетъ смѣшеніе языковъ, т.-е. опять - таки раздѣленіе **). Какъ въ первомъ на землѣ городѣ, такъ и въ послѣднемъ, въ Римѣ—сказываются тѣ же черты Каинова царства. Основатель Рима, Ромуль,—братоубійца, подобно Каину, и исторія Рима есть непрерывная война или междоусобіе. И если Каинъ посягнулъ на гражданина вышняго города—Авеля, то Ромуль убилъ своего земного согражданина—Рема. Братоубійство Ромула означаетъ внутреннее раздвоеніе земного царства, въ коемъ братья сталкиваются и враждуютъ между собою изъ-за земныхъ благъ, которыя обоимъ одинаково служатъ цѣлью. Ибо Ромуль и Ремъ хотѣли одного и того же—господства, власти, и потому оба не могли жить вмѣстѣ на семь свѣтъ ***).

Во всеобщей взаимной борьбѣ одни царства возвышаются и пріобрѣтаютъ главенство надъ другими. И въ этомъ ихъ возвышеніи провиденціальныя планы обнаруживаются какъ единство всемірно-историческаго процесса: отдѣльныя царства связаны между собою связью историческаго преемства. Изъ всѣхъ царствъ Ассирійское и Римское возвышаются надъ остальными; прочія должны разсматриваться какъ дополненія къ этимъ двумъ. Раздѣленные между собою мѣстомъ и временемъ, они различны, но связаны между собою какъ звенья единаго порядка; одно является на смѣну другому. Одно существуетъ на Востокѣ, другое—на Западѣ; и конецъ одного совпадаетъ съ началомъ другого ****).

Небесное царство противопоставляется земному въ рядѣ историческихъ явленій благодати, также идеально связанныхъ между собою. Оно воплощается въ кроткомъ образѣ пастыря Авеля, который, въ качествѣ гражданина вышняго

*) Lib. XV, cap. 2, 4.

**) Lib. XVI, cap. 4, 17; lib. XVII, cap. 16.

***) Lib. XV, cap. 5.

****) Lib. XVIII, cap. 2.